

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТЫДА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

В. В. Калинина, С. А. Фетисова

PRAGMATIC ASPECTS OF SHAME IN THE ENGLISH LANGUAGE CONSCIOUSNESS

V. V. Kalinina, S. A. Fetisova

Статья посвящена анализу высказываний, репрезентирующих этические признаки концепта SHAME в современном английском языке. Данные высказывания рассматриваются с точки зрения речевых актов, имеющих определенную иллокутивную силу и в ряде случаев перлокутивный эффект. Проводится параллель между концептом стыда и этическими категориями долга, морали и совести.

The article deals with analysis of utterances representing ethical aspects of the concept SHAME in the modern English language. The given utterances are examined from the point of view of speech acts having a certain illocutionary force and sometimes a perlocutionary effect. A parallel between the concept of shame and ethical categories of obligation, morality and conscience is drawn.

Ключевые слова: оценка, этическая оценка, дискурс, прагматика, речевой акт, коммуникация, картина мира.

Keywords: evaluation, ethical evaluation, discourse, pragmatics, speech act, communication, picture of the world.

Центральными понятиями когнитивной лингвистики являются концепт и дискурс. Дискурс реализуется в условиях естественной коммуникации. Соответственно, он является диалогичным, или интерактивным, и предполагает отправителя и получателя сообщения, говорящего и слушающего, пишущего и читающего. Относительно фигуры говорящего целесообразно рассматривать дискурс с точки зрения прагматики.

В центре внимания прагматики находятся механизмы воздействия языковой информации на слушающего. Данные механизмы возможно рассмотреть в речевом акте. Сущность речевого акта заключается в том, что речевое сообщение позволяет указать на одно из важнейших свойств текста – его прагматическую ориентацию, содержащуюся в нем установку, исходящую от говорящего [13, с. 513]. Составляющие речевого акта и условия его производства определяют прагматический аспект функционально-семантического поля оценки. Данный аспект обусловлен взаимоотношениями семантической и прагматической информации, влиянием на структурно-семантическую организацию и специфику языковых единиц, позициями оценочного, эмоционального и экспрессивного антропокомпонентов речевого акта [15, с. 68 – 69].

Прагматическая информация проходит стадию мыслительного отражения действительности слушающим, на которого она направлена. Единство эмоционального, оценочного и экспрессивного компонентов влияет на успешность осуществления цели говорящего. Аксиологический и волевой аспекты эмоционального мышления детерминируют диалектическую взаимосвязь эмоционального мышления с потребностью человека как существа социального – *воздействовать* на эмоционально-волевою и интеллектуальные сферы психики с целью регуляции поведения других людей [11, с. 41]. Аксиологизация языкового знака оказывает существенное влияние на собеседника в процессе коммуникации [18, с. 104]

Будучи связанным с прагматикой, оценочный речевой акт производится с целью оказать определенное воздействие на слушающего. Осуществление этой цели, в первую очередь, зависит от содержания речевого

акта. Содержание иллокутивного акта имеет иллокутивную силу, которая определяется Н. К. Рябцевой как интегральная характеристика высказывания, связывающая прагматическую ситуацию и собственно коммуникативную, говорящего и адресата, прагматический и коммуникативный смысл их взаимодействия [17, с. 82 – 83]. Иллокутивная сила реализует коммуникативные намерения говорящего. При благоприятных условиях цель оценочного иллокутивного акта осуществляется, в результате чего возникает перлокутивный эффект. Перлокутивные акты репрезентированы глаголами-каузаторами эмоционального состояния: irritate, frighten, bore, embarrass и др., в том случае если эмоциональное воздействие является запланированным [24, с. 203]. Направленность на перлокутивный эффект, эмоциональную реакцию собеседника, как считает Е. М. Вольф, входит как обязательный элемент в оценочные речевые акты [7, с. 165 – 166]. Из иллокутивных актов, имеющих перлокутивную цель, выделяются экспрессивы. К экспрессивам относятся высказывания, которые интерпретируются как оценочные: похвала, одобрение, упрек.

В процессе коммуникации порождаются оценки, поскольку говорящий высказывает свое субъективное мнение по отношению к какой-либо ситуации. Исходя из того, что слово (или высказывание) в ситуации речи способно принимать какое-либо значение относительно оценкам говорящего / слушающего, Н. Д. Арутюнова приписывает оценке прагматический характер [1, с. 5]. Оценка фигурирует в различных контекстах, проявляясь либо в семантике слова, либо в предложении благодаря особой грамматической конструкции.

Производя оценку чего-либо как постыдного, говорящий напоминает собеседнику о его долге перед родителями, друзьями, обществом и др. При этом долг как моральная норма не зависит от воли его носителя или каких-либо посторонних лиц [4, с. 19]. Поэтому оценки часто подменяются утверждениями об их общепринятости, считающимися истинными согласно общему убеждению [14, с. 320]. В этом случае субъектом оценки является «общее мнение», представляющее общество, в котором существуют те или иные нормы. И именно в социальном аспекте оценка,

отражающая стереотипы, соотнесена с долженствованием [7, с. 123]. Нижеследующий пример иллюстрирует модальную специфику высказываний, репрезентирующих субконцепт «оценка» концепта SHAME. В пресуппозиции повествуется о том, что героиня, находясь в трауре по умершему мужу, танцевала на благотворительном балу с мужчиной. В то же время автором описывается традиция в обществе чтить память об ушедшем муже в течение года. Нарушение этой нормы оценивается как постыдное, более того, отец героини, укоряя ее за совершенный поступок, требует не совершать подобных действий в будущем: “They know already, to be sure, and *everybody knows of our disgrace*. And your poor mother taking to her bed with it and me not to be able to hold up me head. ‘Tis shameful” [27, с. 202].

К высказываниям-экспрессивам с оценкой чего-либо как постыдного в английском языке относятся конструкции *shame on you; for shame*, а также сочетания с модальными глаголами: *you should be ashamed; you ought to take shame* [9, с. 155]. Иллокутивной целью экспрессивов, вербализующих субконцепт «оценка», является воздействие на эмоциональное состояние собеседника и изменение его поведения, которое говорящий считает отклонением от этической нормы.

В высказываниях с оценкой чего-либо как постыдного имплицитно осуждение или порицание. Имплицитированные предикаты речевой деятельности *упрекать, порицать* и пр., наравне с предикатами «внутреннего психического состояния» и предикатами деонтической модальности объединяются С. Г. Воркачевым в одну группу предикатов дезиративной оценки – желания [8, с. 86 – 92]. Характеристика речевого акта как осуждения связана с представлением о моральных полномочиях субъекта, в нем сообщается, что действие является, с точки зрения иллокутивного агента, предосудительным [5, с. 51 – 53]. Связь стыда с осуждением подтверждается примером: ‘You want to feel bad?’ she answered, much too loudly. ‘Then feel bad for the life that has been lost. *I blame you* for this. *Shame, shame, poppy-shame*’ [28, с. 228]. Порицание, в отличие от осуждения, не является столь строгим. В случае порицания эксплицитируются мотивировки оценки: ‘I do assure you that nothing would surprize me more than to hear of their being going to be married.’ – ‘*For shame, for shame, Miss Dashwood! How can you talk so!*’ [19, с. 175]; ‘*You should be ashamed of yourself, comparing a fine man like Ashley Wilkes to a scoundrel like Captain Butler!*’ [27, с. 232]. Заметим, что в речевом акте с оценкой чего-либо как постыдного субъект оценки относится к ее объекту в целом хорошо, и высказывание скорее сближается с дружеским советом, нежели чем с обвинением.

Речевой акт оценки чего-либо как постыдного для достижения цели проходит несколько этапов. Описание механизма действия иллокутивных сил осуществляется в трех направлениях: с позиций говорящего, слушающего и интерпретатора-наблюдателя. Говорящий, вкладывая в свое высказывание интенцию-упрек, придает ему определенный тон; слушающий, распознав настрой говорящего и степень категоричности, оценивает и анализирует правомерность упре-

ка, в результате чего выбирает соответствующую стратегию коммуникативного поведения; интерпретатор-слушающий, проанализировав высказывания говорящего и распознав его интенции, также выбирает соответствующую стратегию, вытекающую из целевой установки [16, с. 72].

При правильной оценке слушающим интенции говорящего возникает возможность перлокутивного эффекта в речевых оценочных актах. Однако процесс интерпретации осложнен различными факторами. Интерпретация регулируется общими прагматическими и коммуникативными целями, иерархиями ценностей, структурой проблемной области, социально-ролевыми и индивидуально-психологическими характеристиками участников коммуникации [12, с. 64].

Для достижения желаемого перлокутивного эффекта в речевом акте с оценкой чего-либо как постыдного говорящий, прежде всего, выбирает наиболее подходящие языковые средства. Н. Д. Арутюнова относит к высказываниям, способным принудить адресата ощутить стыд и создать в нем ситуацию стыда, высказывания *Стыдно! Тебе должно быть стыдно!*, содержащих элемент квази-перформативности [2, с. 69]. В английском языке апелляция к стыду наиболее ярко вербализуется конструкцией *shame on you!*, в которой акцент ставится на «внешнем виде», позоре: *So Mame trots in. Lifts up the lid and says, “H’m! Not very good for your Uncle Rondo in his precarious condition, I must say. Or poor little adopted Shirley-T. Shame on you!”* [25, с. 271]. Подобное английскому *Shame on you!* в русском языке высказывание *Стыдно!* является уникальным высказыванием перформативного типа, способным к непосредственному изменению внутреннего климата адресата, своего рода «магической формулой» [2, с. 69]. Посредством высказываний, обращенных непосредственно к собеседнику, говорящий стыдит адресата речи, пытаясь оказать на него моральное воздействие, рассчитывая на то, что ему станет стыдно, и он перестанет совершать постыдные действия [6, с. 229]. Об изменении эмоционального состояния свидетельствуют косвенные признаки – внешние проявления эмоционального состояния стыда, среди которых покраснение лица, так называемый «стыдливый румянец», то есть проявление перлокутивного эффекта. Так, в нижеследующем примере героиня упрекает молодого человека за его несдержанность. Используя фразу *for shame*, она заставляет его осознать неуместность своих действий и испытать чувство стыда, что подтверждается симптомами стыда: покраснением лица, устремлением взгляда вниз: ‘*For shame, Willoughby. Can you wait for an invitation here?*’ *His colour increased; and with his eyes fixed on the ground, he only replied, ‘You are too good.’* [19, с. 73]. Вторым доводом, служащим доказательством действия иллокутивной силы, является собственно номинация испытываемого чувства. Стыд и смущение – это смежные эмоции: ‘*Shame should come to me*’, she cries in her unquestionably female voice, ‘have the men in this region sunk so low that ladies must be treated like whores?’ *A hush of embarrassment* in the bus. The driver, blushing, orders three farm labourers to vacate their seats at the very front of the vehicle [28, с. 269].

Однако говорящему не всегда удается воздействовать на сознание собеседника. При неправильной интерпретации высказывания говорящего слушающий может не воспринять его утверждение как упрек, что влечет за собой провал коммуникации [16, с. 72]. Извинения, как последствия стыда, отсутствуют в ситуации, в которой адресат признает неправомерность упрека: Then she turns on me. "Sister, *you ought to be thoroughly ashamed!* Run upstairs this instant and apologize to Stella-Rondo and Shirley-T." – "*Apologize for what?*" I says. "I merely wondered if the child was normal, that's all. Now that she's proved she is, why, I have nothing further to say" [25, с. 274]. С другой стороны, при несовпадении ценностей говорящего и слушающего слушающий выбирает ту стратегию коммуникативного поведения, которая не подчиняется интенциям говорящего. Адресат может ничего не ответить, но держаться гордо, о чем свидетельствует его невербальное поведение: "How dare you, India?" she questioned in a low voice that shook. "*Where will your jealousy lead you? For shame!*" – India's face went white but *her head was high* [27, с. 852]. Как средство обороны адресат может использовать нападение: "*For shame! for shame!*" cried the lady's maid. "What a shocking conduct, Miss Eyre, to strike a young gentleman, your benefactress's son! Your young master." – "*Master! How is he my master? Am I a servant?*" [20, с. 21]. Тем не менее, ввиду неудачи апелляции к стыду, высказывания подобного типа не теряют иллюкутивной силы [2, с. 69]. В. И. Карасик объясняет успешность осуществления перлокутивной цели следующим образом: если критика носит характер укора, замечания, сделанного по-дружески, то ответная реплика выражает согласие адресата с замечанием; если же адресату предьявлено серьезное обвинение, то ответная реплика часто выражает несогласие с оценочным суждением [10, с. 159].

Возникновению ситуаций стыда особенно благоприятствуют отношения социального или возрастного неравенства [2, с. 63]. Статусно-маркированные или ситуативные позиции определяют порождение оценочных высказываний. На осуществление цели оценочного речевого акта также влияют ролевые статусы говорящих, которые могут быть статусно-маркированные (родитель – ребенок, начальник – подчиненный и т. д.) и ситуативные, когда один человек просит прощения у другого, ведет себя невежливо по отношению к другим людям [10, с. 143 – 159]. Человек, производящий оценку чего-либо как постыдного, имеет или присваивает себе более высокий статус, чем тот, на которого она направлена. Поэтому стыд считается социальным унижением. На благоприятность протекания коммуникации, в которой высказываются речевые акты с оценкой чего-либо как постыдного, влияют и ролевые статусы участников. Как правило, вышестоящие (родители, начальники, учителя) стыдят нижестоящих (детей, подчиненных, учеников): *You should be ashamed of yourself*, said Father Arnall [a teacher: выделено нами – В. К., С. Ф.] sternly. You, the leader of the class [22, с. 259]. Однако встречаются противоречащие этому правилу ситуации, в которых дочь упрекает своего отца, или слуга стыдит свою хозяйку: "*Shame on you, Father*" [25, с. 78]; "*You*

young mistress ought ter tek shame, gittin' Miss Pitty in a state," he scolded [27, с. 232]. В таких случаях речь идет не о социально обусловленных ролевых статусах, а ситуативных.

Еще одним фактором, влияющим на успешность оценочного речевого акта, является совпадение ценностной картины мира у говорящего и адресата, принадлежащих к разным ячейкам общества. Униженный человек отвергается обществом, человек стыдящийся обособлен стыдом от мира [3, с. 10]. Будучи отделенным от социума, человек, совершивший предосудительный поступок, одинок, словно перемещен в другое пространство: The one exception was a sturdy white-headed boy, *standing apart from the rest* on a stool in a corner – a forlorn little Crusoe, *isolated in his own desert island of solitary penal disgrace* [21, с. 71]. Помимо ощущения унижения, человек испытывает наказание стыдом. Внутреннее наказание стыдом ощущается человеком как болезненное понижение самооценки, а в экстремальных ситуациях как чувство, подавляющее желание жить. В одних случаях общество наказывает человека стыдом и позором, выставленным на обозрение: "There are no such things as ghosts, and therefore any boy who believes in what can't possibly be, sets up his back against reason and discipline, *and must be punished accordingly*. You all see Jacob Poslethwaite *standing up on the stool there in disgrace* [21, с. 71]. В других случаях субъект оценки выносит приговор провинившемуся: One human being had seemed to love him and he had denied her life and happiness: *he had sentenced her to ignominy, a death of shame* [29, с. 144].

Экспрессивы, направленные на воздействие на собеседника в большинстве случаев употребляются в канонической речевой ситуации, то есть прямо обращенной к адресату: "*You ought to be ashamed*, William, saying such things" [23, с. 132]. Как отмечает С. Г. Воркачев, от других предикатов дезиративной оценки *упрекать* отличается обязательностью непосредственной обращенности к собеседнику, ввиду невозможности упрекать за глаза [8, с. 91].

Проанализировав языковой материал, мы замечаем, что существуют оценочные высказывания, направленные на третье лицо или самого говорящего, типа: *shame on me*, *shame on them*, *she ought to be ashamed*, *shame should come to me* и т. д.: *Pygmies, pygmies everywhere, also insects and ants – shame on the giants, isn't it? Shame on them for shrinking. That's my opinion.* [28, с. 271]; *That was an episode that she ought to have been thoroughly ashamed of*, how scared she'd been afterwards, but she had in point of fact never been able to think of it since without a chuckle [26, с. 119]. Однако статус таких высказываний как экспрессивов является сомнительным, поскольку они не обращены непосредственно к объекту оценки. Е. М. Вольф квалифицирует высказывания, относящиеся к третьему лицу, как экспрессивы на том основании, что они выражают эмоциональное состояние говорящего и могут быть рассчитаны на реакцию собеседника, интересы которого все же затронуты, хотя и косвенно [7, с. 168]. Рассматривая эмоционально-оценочную прагматическую информацию, Л. А. Киселева объясняет наличие высказываний, обращенных к третьим лицам, как осуществление регулятивного влияния на объект с

целью их поддержки [11]: *Oh, she should be ashamed, should shrink from the memory of the not swirling darkness!* [27, с. 930]. В оценке в таком случае прева-лирует рациональный аспект, направленный на то, чтобы адресат согласился с оценкой говорящего [7, с. 168].

Что касается речевого акта, в котором субъект-говорящий является одновременно и объектом оценки, он представляет собой оценочный рефлексив [7, с. 175]: *'Shame should come to me,'* he informed the koel perching on the window, *'here I sit doing what I'm criticizing, thinking God knows what, living too much in my head'* [28, с. 244]. Высказывания такого типа употребляются при интракоммуникации как средство саморегуляции говорящего и психической разрядки [11, с. 20].

Помимо вышеперечисленных способов непосредственного и опосредованного обращения к собеседнику, существуют косвенные речевые акты. Они также являются экспрессивами и по форме представляют

собой вопросительные предложения: *Aren't you ashamed to act like that in front of the doctor?* [25, с. 291]. Говорящий в таких предложениях не имеет цели спросить об актуальном чувстве, испытываемом собеседником, а пытается эмоционально воздействовать на него. Связь оценки чего-либо как постыдного с деонтической модальностью объясняет природу косвенных актов с соответствующей оценкой [7, с. 194]. Косвенные речевые акты оценки возникают на пересечении оценки с вопросительной модальностью и с модальностью долженствования.

Таким образом, в английском языковом сознании существуют определенные формулы, воздействующие на эмоциональный мир человека. Апелляция к совести собеседника и его моральным нормам способна изменить его поведение. Конструкции, вербализующие концепт SHAME, наделены иллюкутивной силой, поскольку они имеют прагматический характер, и, следовательно, говорящий придает им большое значение в процессе коммуникации.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
2. Арутюнова, Н. Д. О стыде и стуже / Н. Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1997. – № 2.
3. Баженов, М. В. «Человек стыдящийся» как философская проблема: автореф. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / М. В. Баженов. – Ижевск, 1998. – 16 с.
4. Булыгина, Т. В. Концепт долга в поле долженствования / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М., 1991.
5. Булыгина, Т. В. Оценочные речевые акты извне и изнутри / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М., 1994.
6. Булыгина, Т. В. Грамматика позора / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев // Логический анализ языка. Языки этики. – М., 2000.
7. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – 2-е изд., доп. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
8. Воркачев, С. Г. К семантическому представлению дезиративной оценки в естественном языке / С. Г. Воркачев // Вопросы языкознания. – 1990. – № 4.
9. Калинина, В. В. Концепт SHAME как ценностный смысл / В. В. Калинина // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2009. – №3 (7). – (Серия: Филология).
10. Карасик, В. И. Язык социального статуса: монография / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2002 б. – 333 с.
11. Киселева, Л. А. Вопросы теории речевого воздействия / Л. А. Киселева. – Л.: Ленинградский гос. ун-т, 1978. – 158 с.
12. Кобозева, И. М. Интерпретирующие речевые акты / И. М. Кобозева, Н. И. Лауфер // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М., 1994.
13. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
14. Курбатов, В. И. Логика. Систематический курс / В. И. Курбатов. – Ростов н/Д.: Феникс, 2001. – 512 с.
15. Маркелова, Т. В. Семантика и прагматика средств выражения оценки в русском языке / Т. В. Маркелова // Филологические науки. – 1995. – № 3.
16. Мурясов, Р. З. Опыт анализа оценочного высказывания / Р. З. Мурясов, А. С. Самигуллина, А. Л. Федорова // Вопросы языкознания. – 2004. – № 5.
17. Рябцева, Н. К. Коммуникативный модус и метаречь / Н. К. Рябцева // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М., 1994.
18. Фетисова, С. А. Аксиологизация имени цвета *красный* // II Общероссийская научно-практическая конференция «Современные исследования социальных проблем» с международным участием. – 2010.
19. Austen, J. Sense and Sensibility / J. Austen. – London: Penguin Popular Classics, 1994. – 374 p.
20. Bronte, Ch. Jane Eyre / Ch. Bronte; предисл. З. Гражданской; коммент. М. Ф. Лорие. – М.: Foreign Languages Publishing House, 1954. – 571 p.
21. Collins, W. The Woman in White / W. Collins. – London: Penguin Books, 1994. – 569 p.
22. Joyce, J. Dubliners / J. Joyce. – М.: Прогресс, 1982. – 582 с.
23. Collins, W. The Woman in White / W. Collins. – London: Penguin Books, 1994. – 569 p.
24. Lawrence, D. H. Sons and Lovers / D. H. Lawrence. – London: Penguin Books, 1995. – 420 p.
25. Leech, G. Principles of Pragmatics / G. Leech. – New York: Longman, 1983. – 250 p.

26. Love Stories / предисл., коммент. Е. В. Гвоздковой. – М.: Айрис-пресс, 2006. – 352 с.
27. Maugham, W. S. Theatre / W. S. Maugham. – СПб.: КОРОНА принт: КАРО, 2005. – 384 с.
28. Mitchell, M. Gone with the Wind / M. Mitchell. – New York: Warner Books, 1993. – 1024 p.
29. Rushdie, S. Shame / S. Rushdie. – London: Vintage Books, 1995. – 288 p.
30. White Stocking / предисл., коммент. и словарь Е. В. Гвоздковой. – М.: Рольф, 2001. – 320 с.

Информация об авторах:

Калинина Виталия Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для специальных целей Иркутского государственного лингвистического университета, 8-902-5-190-199, vitaliya1@yandex.ru.

Vitaliya V. Kalinina – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of English for Specific Purposes, Irkutsk State Linguistic University.

Фетисова Светлана Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для специальных целей Иркутского государственного лингвистического университета, 8-952-620-96-91, s_fetisova@mail.ru.

Svetlana A. Fetisova – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of English for Specific Purposes, Irkutsk State Linguistic University.